

Сафиуллина-Аль Анси Р.Р. (РИИ, Казань)

ОСНОВНАЯ ПРОБЛЕМАТИКА ТАТАРСКОЙ БОГОСЛОВСКОЙ МЫСЛИ XVIII-НАЧАЛА XX ВВ.

Аннотация: Круг вопросов, поднимавшихся в татарской богословской мысли XVIII - начала XX вв, включает в себя как проблематику сугубо догматического характера, связанную с исламским вероучением, мусульманским правом, так и проблематику философского, исторического, социального, политического характера, а также вопросы методологии научного знания.

Ключевые слова: богословие, ислам, наследие, татарская богословская мысль.

**The essentials of the theological thought of the Tatar of the
eightieth -early twentieth centuries**

Abstract: the range of issues raised in the Tatar theological thought XVIII - beginning of XX century includes both purely dogmatic issues related to Islamic doctrine, Islamic law, and philosophical, historical, social, political issues, as well as the questions the methodology of scientific knowledge.

Key words: theology, Islam, heritage, Tatar theological thought.

Татарский народ имеет богатое богословское наследие, но исследовано оно крайне мало. Это наследие растворяется и исчезает в общем потоке истории общетюркской богословской мысли и арабо-мусульманской науки. Средневековье и Новое

время дало многих талантливых мыслителей, которые были широко известны во всем тюркском мире и мусульманском Востоке. К сожалению, чрезвычайно интересные и ценнейшие богословские идеи оказались отчасти утраченными самим народом, отчасти пропали в результате различных исторических событий. В советский и постперестроечный период религиозная литература не являлась предметом научного исследования ученых. Комплексное рассмотрение этого предмета неизбежно требует использования исследовательских и образовательских приемов и методик из междисциплинарного арсенала и, в первую очередь, наличие религиозного образования и религиозной практики. То есть, занимающийся татарским богословским наследием обязательно должен быть и исследователем, и религиозным деятелем. Наряду с объективными причинами недостаточной разработанности данной проблематики существуют и причины субъективного характера. В частности, нельзя не согласиться с мнением, что «духовенство традиционного ислама, отгородилось Кораном и обрядностью от Бога, от проблем людей и общества, [...] сиюминутное своекорыстие для них важнее, нежели бескорыстная работа ныне на

предотвращение бедствий, потенциал которых целенаправленно создается другими на протяжении уже нескольких десятилетий» [Долговременная стратегия].

Религия обладает возможностью как снятия конфликтных ситуаций, гармонизации межнациональных отношений, так и усиления психологической напряженности, дестабилизации общественно-политической ситуации в стране. При этом непонимание внутриконфессиональной ситуации и незнание истории богословской мысли в регионе, а также непродуманные попытки манипулировать конфессиональными мотивами могут привести к эскалации внутриконфессионального элемента в конфликтности, чреватой дополнительными осложнениями обстановки и еще больше затрудняющей процесс урегулирования [Мантаев 2002: 16].

Казалось бы, область догматики – это особый, отвлеченный богословский дискурс, однако в современном исламе, как, впрочем, и веками ранее, он приобретает явный политический оттенок, ибо определяет, на какую школу и, соответственно, на какую страну будут ориентироваться верующие, или, говоря шире, какому центру силы принадлежит та или иная террито-

рия. Именно поэтому споры по ряду вопросов и разбирательства по многим мелким, кажущимся несущественными, деталям становятся зачастую столь ожесточенными [Алмазова 2012: 33].

В связи с этим в современных условиях чрезвычайно актуализировалась тема преемственности – использования религиозного педагогического и богословского наследия прошлого с опорой на собственные корни в области мусульманской мысли и науки. Вновь открываются незаслуженно забытые памятники, звучащие поразительно актуально в наше время.

Круг вопросов, поднимавшихся в татарской богословской мысли XVIII – начала XX вв., включает в себя как проблематику сугубо догматического характера, связанную с исламским вероучением, мусульманским правом, так и проблематику философского, исторического, социального, политического характера, а также вопросы методологии научного знания.

Мы сгруппировали этот круг вопросов в следующей последовательности:

- Взаимосвязь между разумом и откровением и методология передачи знаний;
- Отношение к философии;
- Отношение к спекулятивному богословию;

- Вопросы вероучения;
- Взгляд на тасаввуф;
- Правовые вопросы;
- Традиции татарской экзегетики и проблема перевода Корана;

- Вопросы социального и политического характера.

Тема взаимосвязи между разумом (акл) и откровением (нахи) тесно связана с классической системой классификации наук в исламской традиции а также с соотношением умственных дисциплин (аклийа) и учебных предметов, основанных на традиции (наклийа) в мусульманской системе образования. В творчестве Г. Курсави, Ш.Марджани, Г.Баруди, Р.Фахретдина, М.Бигиева, Г.Буби и др. татарских богословов находит свое отражение тема совмещения и примирения религии и науки. Утыз-Имяни уделяет отдельное внимание теме определения истинности источника знания.

С темой взаимосвязи разума и откровения пересекается отношение татарских богословов к проблеме толкования священных текстов. В этом вопросе имели место разные позиции. Сторонники одной позиции заявляли о несостоятельности разума осознать и истолковывать священные тексты (насс) Корана и сунны, противоречащие разуму,

в связи с чем рекомендовалось воздерживаться от толкования. Но имело место и мнение о предшествовании разума традиции и возможности толкования текстов, кажущихся идущими вразрез разуму. Сторонниками этой позиции являлись Г. Курсави, Г. Буби, Р. Фахретдин, М. Дж. Биги и др.

В качестве отдельной темы выделено отношение к философии. Это и проблема возникновения мира во времени (ху-дус), вечности мира (кидам), в том числе концепция самостной вечности (кидам зати) и временной вечности (кидам замани), безначальность и бесконечность мира (азалии, абади), а также эманационная концепция происхождения мира [Мараш: 64-74].

Также татарскими учеными дается разъяснение причин негативного отношения к философии в мусульманской богословской традиции.

Отражение проблем возникновения мира и отношения к философии находит свое выражение в творчестве Ш.Марджани, Ш.Культяси, М.-Н.Тюнтери, Р.Фахреддина.

Говоря об отношении к каламу, нельзя не отметить то, какое место занимала спекулятивная теология в татарских медресе. Как писал Дж.Валиди: «Келям опирался на наклъ, т.е. на слова Бога и

пророка, но вместе с тем и на разум и опыт, претендуя в то же время на разрешение вопросов о сущности бытия и человеческого знания. Таким образом, мусульманские ученые, защищая свою веру от вторжения философской мысли, сами стали философами. Некоторые ученые проявляли отрицательное отношение к каламу, находя такое углубление в вопросы веры небезопасным с точки зрения мусульманского правоверия»; но место калама в татарских медресе было непоколебимо» [Валидов: 19].

В сочинениях Ш. Марджани, Н. Тюнтари, Ш. Культяси, Х.Габаши, К.Таджаманова [Тәржеманов 1907: 45-46], А.Мустафы [Мостафа 1915: 156], З.Кадири [Кадыйри 1912: 715-718; Кадыйри 1910], М.Бигиева [Бигиев 2005: 131-144] затрагивается тема различия между каламом и наукой таухид, татарские богословы в своих трактатах дают разделенное понимание каляма и акиды.

У многих татарских богословов находит место изложение текста мусульманского кредо (акиды) (Ш. Марджани, Г. Курсави, Р.Фахретдин, К.Насыри [Насыйри 1867], Ш.Гауни [Гауни 1911], Л.Байчурин [Байчурин], Х.Усманов [Госманов 1898] и др.) [См.: Исламское 2013: 83-112]. В начале XX века насчи-

тивалось более двадцати учебных пособий по акыде, среди авторов которых наряду с вышеуказанными можно назвать Г.Чокрый [Чокрый 1903], Г.Баязитова [Баязитов 1880], Г.Буби [Бубый 1898; Бубый 1909], Х.Забири [Зэбири 1909; Зэбири 1903], А.Х. Максуди [Максуди 1905], Г.Радуди [Радуди 1907], Г.Атави [Атави 1911], Г.Баруди [Баруди 1891] и др. [См.: Исламское вероучение 1913: 7].

Особое место занимает в рассуждениях о спекулятивной теологии критика как ашаритского богословия, так и калама в целом. Также внимание уделено необходимости очищения произведений по акыде от положений, основанных на предположении (далил занни) и не подкрепленных категорическими доказательствами (далил кат'и).

Также в татарском богословском наследии находит свое отражение тема разделения на группы и школы в вопросах вероучения, и даже предпринимаются попытки устранить разногласия между ними.

Следует отметить, что, в целом, вопросы вероучения занимают большое место в татарском богословском наследии. Это и вопросы веры (М.Музаффаров [Мозаффаров 1915: 524-528], З.Камали [Камали 1911]) со спорами о при-

знании деяния («амал») как истинной части (джуз хакики) веры, об увеличении и уменьшении веры, об обвинении в неверии (такфир). Г.Курсави, Ш.Марджани и др. уделяли особое внимание разоблачению недочетов ашаритского толкования к ханафитскому кредо в вопросе божественных атрибутов [См: Шагавиев 2008; Мэржани 1890; Курсави].

Также внимание татарских богословов было уделено одной из актуальных тем вероучения – концепции человека (отношения Бог – человек), проблеме свободы воли и, конечно же, предмету всеобщей божьей милости [Камали 1911].

Эсхатологические вопросы находят широкое освещение как в татарской религиозной литературе в целом, так и в трудах татарских богословов.

Взгляд на тасаввуф также находит определенное место в татарском богословском наследии. Это и сами сочинения суфийского характера, и обсуждение темы суфизма. С самого начала распространения суфизма в татарском мусульманском мире в виде тарикатов Ясавия, Кубравия, Накшбандия, актуализируется дискуссия о двух путях – шариае и тарикате, а также оппозиция: юридический – мистический ислам.

Критика суфизма и ишанизма также находит свое выражение в трудах татарских авторов. Особенно ярко этот мотив прослеживается у Утыз-Имяни. Наряду с этим, Утыз-Имяни свойственны обращение к аскетизму, суфийской этике и призывы к суфиям сторониться власти. Суфийская тематика находит широкое освещение в трудах и многих других татарских богословов.

Большое место в татарском богословском наследии занимают правовые вопросы, которые включают в себя проблематику усул ал-фикх (методологии или основ исламского права) и частные вопросы фикха. В первую очередь, это вопросы иджитхада и таклида (Г. Утыз-Имяни, Г. Курсави, Ш.Марджани, Г.Буби, М.Бигиев, Р.Фахретдин, М.Музаффаров [Мозаффаров 1915]). В частности, в творчестве Утыз-Имяни отражены идеи обновления ислама через таклид и идея таклида ученых авторитетов прошлого. Г.Курсави подвергает таклид критике. Он призывает применять иджитхад относительно тех видов смыслов Корана и сунны, которые могут быть понятны как знатокам языка, так и простым людям, а также, по возможности, тех, что могут быть понятны только специалистам, муд-

жтахидам [Ситдииков]. М. Бигиев, Р. Фахретдин, Г.Буби большое внимание уделяют обсуждению принципов интереса или обстоятельств (масалих/маслахат). В сочинениях Ш.Марджани, М.Бигиев, Г.Буби обсуждаются условия иджитхада (шурут) [Мараш 2005: 115-127].

Еще одна очень актуальная тема – талфик, т.е. смешивание правовых толков, отказ от мазхабов. Ш.Марджани при рассмотрении вопросов иджитхада и таклида приводит примеры перехода из одного правового толка в другой и считает допустимым такой переход применительно к частным вопросам права. Проект сближения мазхабов (такриб ал-мазахиб), поднимавшийся в мусульманской мысли конца XIX-начала XX в., также находит свое отражение и в татарском богословском наследии.

Пристальное внимание к вопросам фикха было обусловлено особенностями функционирования норм исламского шариата в рамках российского государства и правового пространства. В связи с этим татарские богословы занимались рассмотрением не только вопросов ибадат (вопросы, связанные с очищением (тахарат), особенностями совершения молитвы, освещение темы ночной молитвы в короткие

летние ночи, пятничной молитва и пр.). Особое место в татарском богословском наследии занимает рассмотрение вопросов муамалят (брачные, наследственные, торгово-экономические и др. вопросы). В условиях бурного развития капиталистических отношений и финансово-кредитных институтов актуализируется рассмотрение проблемы ссуды и ростовщичества.

Также в татарском богословском наследии мы видим рассмотрение проблемы нововведения (бидга), вопросов халля и харам.

Традиции татарской экзегетики и проблема перевода Корана – это одна большая, отдельная тема в татарском богословском наследии [Адыгамов 2004; Батыркаев 2007]. Актуальность этой темы связана с ролью и местом Корана в жизни мусульман Поволжья и Приуралья. Наряду с тем, что идеи и сюжеты Корана занимают определенное место в традиционном искусстве и литературе татар, кораническая тематика находит широкое отражение в творчестве таких татарских ученых-богословов, как Ш.Марджани, Г.Баруди [Баруди 1907], З.Камали, М.Бигиева [Бигиев 1915] и др. [Түнтэри 1913]. Сама история татарского тафсира – это одна из граней татарского богословского наследия. Пере-

мены в жизни мусульманской общины в конце XVIII – первой трети XIX вв. оказали определенное влияние на переосмысление коранических установок. По мнению ряда исследователей, Г. Утыз-Имяни и Г. Курсави представляют два полюса движения за очищение ислама и переосмысление Корана [Батыркаев 2008]. Тем не менее, развитие татарской экзегетической традиции религиозно-реформаторского направления все еще остается не до конца раскрытой темой.

Отдельного внимания заслуживает освещение проблемы перевода Корана. При этом на первый план выдвигался вопрос методики перевода, в частности, перевода с точки зрения передачи и изложения.

Отдельным блоком мы выдвинули проблематику социального и социально-политического характера. Это, казалось бы, такой частный вопрос, как язык хутбы, и проблема соотношения национальной идентичности и конфессиональной принадлежности. Активно обсуждались вопросы дозволенности произведений искусства (музыки, театра, изобразительного искусства). Отдельного рассмотрения требует отражение гендерного вопроса в трудах татарских богословов.

Нельзя не упомянуть и проблему идеального правителя

и политического устройства, которые также находили свое отражение в татарском богословском наследии.

Татарская богословская мысль не заключена только в наследии, в источниках прошлого. Это живая мысль, которая продолжает пульсировать и жить в умах современных мусульманских интеллектуалов, и которая все смелее и смелее проявляет себя и сегодня, используя современные источники и способы передачи информации.

Какой будет татарская богословская мысль завтра, во многом зависит именно от тех, кто сегодня еще только осмысливает наследие прошлого и вступает на путь поиска знаний.

Для нахождения ответов на вопросы сегодняшней религиозной и духовной жизни, исследователи будут вынуждены использовать и вырабатывать различные новые стратегические линии исследования, не ограничиваясь только архивными стратегиями, текстологическим, историческим и философским анализом. Наряду с тем, что традиционные методы исследования далеко не исчерпали себя и остаются все так же актуальными, современность предполагает также и такие стратегические линии качественного исследования, как интервью, невключенное

наблюдение (обращение к экспертам, изучение наблюдателя), включенного наблюдателя (этнографические, полевые и др.). При этом наряду с поставленной целью и раскрывающими ее задачами, которые на своем пути ставит каждый исследователь, зачастую реальность преподносит еще более интересные аспекты, которые проявляются на этом пути. Они призывают ищущего знания проявлять гибкость в осмыслении материала, быть чутким к пульсу времени и уметь отказываться от привычных и, соответственно, пристрастных суждений, которые есть упрощение, чтобы, как следствие, рассматривая нечто, желаемое для нас, то, что мы хотим изучить, не исключать самое необходимое. В таком случае происходит не просто оценка истории и современного состояния богословской мысли, но и попытка найти ответы на вопросы переплетения духовных измерений как отдельного человека, так и общества в целом.

Хочется верить, что нынешнее поколение мусульманских религиозных деятелей и исследователей на основе наследия прошлого сможет дать ответы на вопросы, возникающие сегодня в умах верующих и ищущих знаний.

Литература:

1. Адыгамов А. Традиции комментирования Корана у татар // URL: <http://dumrt.ru/node/5882> (дата обращения 07.06.2013);
2. Алмазова Л. И. Современные религиозные дискуссии в Волго-Уральском регионе: о чем не могут договориться между собой мусульмане? // 1-й Казанский международный научный форум «Ислам в мультикультурном мире». 1-3 ноября 2011 (г. Казань, Республика Татарстан) / Казанский (Приволжский) федер. ун-т, Ин-т востоковедения и междунар. отношений, Каф. регионоведения и исламоведения; [А.М. Ахунов, Р.И. Беккин, сост.]. – Казань, Изд-во Казанского ун-та, 2012. – СС. 331-339.
3. Атави Г. Аллахның барлыгы (Уку һәм мәктәп өчен кыйраат китабы). – Казан: Милләт, 1911. – 36 б
4. Ахунов А. Коран по-татарски // Татарский мир. – 2004. – №4 // URL: <http://www.tatworld.ru/article.shtml?article=496> (дата обращения 03.09.2013);
5. Байчурин Л. Дәляиле игътикадия (выходные данные неизвестны)
6. Баруди Г. Бәдә-әл-мәгариф: Гыйлем-эт-тәүхид вә әс-сыйфат: Мәгарифе исламиядән 2 нче жөзье. – 2 нче басма. – Казан: Ун-т басмаханәсе, 1891. – 16 б.
7. Баруди Г. Тәфсир // әд-Дин вә-л-әдәб. – 1907. – №3. – С. 66 – 67; №4. – С. 98 – 101; 1914. – №11. – С. 339 – 340; 1915. – №11. – С. 337 – 344.
8. Батыркаев Т.О. Коран в России: учебное пособие // Т.О.Батыркаев, Н.К.Гарипов. – Казань: Магариф, 2008. – 383 с.
9. Батыркаев Т. Кораническая экзегетика мусульман Поволжья и Приуралья (конец XVIII – начало XX вв.) // Минарет. – 2007. – №4 (14) // URL: http://www.idmedina.ru/books/history_culture/?104 (Дата обращения 30.08.2013).
10. Баязитов Г. Ислам китабы. – 2 нче басма. – Казан: Ун-т табгыханәсе, 1880. – 66 б.
11. Бигиев М. Взгляд на верование людей в божество (Инсаннарның гакыйдә илаһияләренә бер нәзар) // Бигиев Муса. Избранные труды. В двух томах. Т. I / Сост. и пер.с осман. А. Хайрутдинова. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2005. – С.131–144.
12. Бигиев М. Фикх ал-Коран. – СПб., 1915.
13. Бубый Г. Мохтәсар гыйльме халь. – Казань: Тип. Б.Л. Домбровского, 1898. – 58 б.;

14. Бубый Г. Мөфассал гыйльме халь. – Казань: Типо-лит. Имп. ун-та, 1898. – 184 б.;

15. Бубый Г. Икенче вә өченче сыйныф ибтидаия балаларына махсус иң асат вә иң тиз аңлашырлык әхлакый вә гыйльми гыйльме халь – Казан: электро-типография «Милләт», – 1909. – 44 б.

16. Валидов Дж. Очерк истории образованности и литературы татар (до революции 1917 года). – М., 1923.

17. Гауни Ш. Гыйльме халь. Беренче сыйныф өчен. – Казан: Кәримия, 1911. – 8 б.

18. Госманов Х. Гыйльме халь рисаләсе. – Казан: Ун-т матб., 1898. – 7 б.

19. Долговременная стратегия преодоления коранического ислама законами библийского проекта // URL: <http://zakonvremeni.ru/vp-ussr/21-vpussra11/1059-2010-02-18-09-37-09.html> (дата обращения – 15.08.2013)

20. Зәбири Х. Гакаид. Кис. 2. Мәкятибе рөшдиядә тәдрис өчен язылмыш, мөгтәкыйдат исламияны гаклый вә нәкъли дәлилләр илә мөбәййин бер рисаләдер. – Казан: Сабах, 1909. – 44 б.;

21. Зәбири Х. Гакаиде төркия. – Казан: Әхмәдуллиннар, 1903. – 22 б.

22. Исламское вероучение в учебных пособиях и трудах татарских авторов начала XX в.: Хрестоматия / Сост., введ. и примеч. Р.Р.Сафиуллина. – Казань: КФУ, 2013. – 248 с.

23. Кадыйри З. Гыйльме кәлям дәресләре турында мөхтәрәм Хәсән әфәндегә // Шура. – 1912. – №23. – Б.715-718;

24. Кадыйри З. Гыйльме кәлям дәресләре. – Уфа: Кәримов, Хөсәенов матб., 1910. – 162 б.

25. Камали З. Фәлсәфәи игътикадия. Фәлсәфәи исламиядән 2-нче кис. – Уфа, 1911. – 227 б.

26. Камали З. Фәлсәфәи исламиядән Аллаһ гадәләте. Фәлсәфәи игътикадиядән 1-нче кисәгенә ляхикъ. – Уфа, 1911. – 56 б.

27. Курсави Г. Шәрх әл-гакаид ән-Нәсәфи әл-жәдид. – Н.Лобачевский ис. Фәнни китапханә. Кулъязмалар һәм сирәк китаплар бүлеге. – №604. – Б. 636–1006.

28. Курсави Г. Шәрх әл-гакаид ән-Нәсәфи әл-кадим. – Казан, Н.Лобачевский ис. Фәнни китапханә. Кулъязмалар һәм сирәк китаплар бүлеге. – №841. – Б. 86–12а.;

29. Максуди Х. Гакаиде мәнзүмә: Ибраһим Хаккый әфәнденең «Мәгърифәтнамә» әсәреннән. 3 нче басма. – Казан: Харитонов матб., 1905. – 166 б.;

30. Максуди Х. Гыйбадәте исламия. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1989. – 128 б.

31. Мантаев, Абузагир Арзулумович. Ваххабизм и политическая ситуация в Дагестане: автореферат диссертации... кандидата политических наук: 23.00.02. – 2002 // URL: <http://cheloveknauka.com/vahhabizm-i-politicheskaya-situatsiya-v-dagestane> (дата обращения – 15.04.2013).

32. Мараш И. Религиозное обновление в тюркском мире (1850-1917 гг.) / Пер. с турец. – Казань, 2005. – 199 с.

33. Марджани Ш. Зрелая мудрость в разъяснении догматов ан-Насафи (ал-Хикма ал-балига) / Шигабутдин Марджани; предисл. и пер. с араб. Д. Шагавиева. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2008.

34. Мәржани Ш. Ат-Тарика ал-мусла ва-л-‘ақыда ал-хусна. – Казан: Чирков хатыны матб., 1890. – 15 б.;

35. Мозаффаров М. Ижтиһад вә тәкълид хакында // Әд-Дин вәл-әдәб. – 1915. – №17–18. – Б. 556-560.

36. Мозаффаров М. Мәктәпләрдә иман вә игътикад укыту // Әд-Дин вәл-әдәб. – 1915. – №17–18. – Б. 524–528.

37. Мостафа Әхмәдҗан. Тәухид // Дин вә әдәп. – 1915. – №18.

38. Насыйри К. Гакаид рисаләсе. – Казан, 1867. – 24 б.;

39. Насыйри К. Гакаиде исламия. – Казан, 1867. – 23 б.

40. Радуди Г. Мәнзумә гыйльме халь. – Казан: Сабах, 1907. – 32 б.

41. Ситди́ков И.М. Иджтихад у Курсави в исламском фикхе // URL: http://www.e-riu.ru/knldg/prepod_publ/?id=624 (дата обращения – 21.08.2013).

42. Тәрҗеманов К. Гакаид вә кәлям // Әд-Дин вәл-әдәб. – 1907. – №2. – Б. 45–46.

43. Түнтәри М.-Н. Тәфсир дәреслеге: Аллаһының барлыгына, берлегенә вә кодрәтенә дәләләт итә торган төрле ‘аләмәтләр // әд-Дин вә-л-әдәб. – 1913. – №22. – С.678-688; 1913. – №11. – С.333-334.

44. Чокрый Г. Дөрре Гали китабы фарзы гайн бәянында. – СПб., 1903. – 16 с.

45. Шагавиев Д. Татарская богословско-философская мысль: Курс лекций. – Казань: Институт истории АН РТ, 2008. – 168 с.